

НАСЛЕДИЕ А.С. МАКАРЕНКО И ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И БЕСПРИЗОРНОСТИ В РОССИИ СЕГОДНЯ

Конец XX века ознаменовался распадом Советского Союза, тяжелейшей инфляцией в странах СНГ, возрастающей тенденцией к нравственной деградации общества, политической борьбой за власть в России. Всё это породило быстрый рост детской преступности и беспризорности, отрицательно сказалось на образовании, в котором всё больше стало преобладать научение, ремесленничество, дрессировка – эффективные и сравнительно простые методы подготовки подрастающего поколения к различным видам предстоящей деятельности и определённым способам поведения в обществе. Страна до сих пор испытывает последствия «бескровной» революции, приведшей к капитализму. Подобная смена политико-экономической формации тяжёлой ношей легла на хрупкие плечи наших детей и подростков, на юношей и девушек – на то поколение, которому предстояло жить и управлять производством, страной в первом десятилетии XXI века. Такие явления, как алкоголизм, наркомания, порнография, беспризорность, детская преступность, жестокость на экране телевизора и в самой жизни – вот та реальность, в которой выросло это новое поколение.

Об этой тревожной реальности ещё в 1990-е годы писали учёные разных стран. По словам американского учёного Р. Шейермана, осквернение юных душ, осуществляемое путём прославления уродливого в современной литературе, кино и музыке, существенно помешает задачам и целям педагогов и родителей. «Триумф убийц детских душ, воспользовавшихся преступной небрежностью равнодушного общества, очевиден». Так, в Америке уровень насильственной смерти мальчиков-подростков и самоубийств в то время вырос почти в 6 раз. «Этот скачок, – констатирует

Р. Шейерман, – произошёл за 30 лет – с того времени, когда я сам впервые переступил порог школы. Число внебрачных беременностей у девочек-подростков за этот же период возросло в 7 раз. В 7 раз возросло количество задержаний полицией молодых людей в возрасте 18 лет. Несмотря на разный уровень жизни в США и России, проблемы возникают общие: кривая преступности неуклонно идёт вверх. Наверное, растущая безнравственность не имеет прямой корреляции с тем, насколько богатой в материальном отношении является та или иная страна. Причины, по-видимому, глубже. И мы должны сообща найти их и по возможности устранить. Я думаю, – заключает свою мысль американский учёный, – что роль педагогов и педагогики в этом исключительно велика... Активная позиция учителя чрезвычайно важна, но это возможно только в том случае, если он сам твёрдо и последовательно придерживается высоких нравственных норм».

Интервью с американским учёным Р. Шейерманом было опубликовано в 5–6-м номерах московского журнала «Педагогика» за 1992 год, однако слова учёного не потеряли актуальности и сегодня. Проблема преступности несовершеннолетних носит поистине международный характер, так как тревога за падение нравственности молодого поколения делает будущее общество любой страны бездуховным. Та же мысль, та же тревога звучит в словах российских учёных. По этому поводу профессор И.А. Невский писал, что общий ущерб, приносимый государству некавалифицированной работой педагогов, составляет крупную сумму. Но никто не подсчитывает потери социальные и моральные, не определено, во сколько обходится обществу «испорченное здоровье и надломленная психика школьника, низкий уровень обра-

зованности, воспитанности. Какой мерой можно оценить отравленное детство и искалеченные судьбы, преступность несовершеннолетних, наркоманию, токсикоманию, пьянство, проституцию и другие отклонения в поведении молодёжи?» [5, 22–31].

Между тем – именно «от педагогов, их профессиональных и личных качеств, мастерства (как уровня развития педагогической деятельности) зависит полноценность и целесообразность использования тех возможностей и условий, в которых протекает образовательный процесс» [5, 25]. Если в 1990 г. по данным Министерства Внутренних дел за неполный год было зарегистрировано 2 миллиона 475 тысяч 762 преступления, то в настоящее время это уже астрономическая цифра. Показателен пример, когда в начале 1990-х годов в Петербурге была опубликована брошюра, в которой констатировалось, что в городе на Неве в тюрьмах содержатся 18 тысяч детей и только 1 тысяча 500 несовершеннолетних ютятся в приютах. Следует отметить, что Институт Социальной педагогики Петербурга в те годы разработал проект гуманного приюта для беспризорных детей и малолетних правонарушителей, который поддержал член Бундестага Конрад Вайс.

Отмечалось, что ситуация в тюрьмах криминогенная. И это только в одном городе. А сколько таких детей в Москве и других городах России? Обострение национальных конфликтов и религиозных противоборств 90-х годов прошлого столетия – другая сторона, в которую были втянуты подростки и молодёжь. В молодёжные национальные движения проникают мафиозные структуры, диктующие свои жестокие правила «игры». Волна миграции населения ещё более обострила нестабильность нашего общества.

Ещё одна «болезнь» поразила наше общество в «перестроичный период»: возрастающий рост суицидов среди подростков. И всё те же причины: конфликтные отношения со взрослыми, утрата подростками жизненных ориентиров, развитие комплекса неполноценности, одиночество, садистские выходки со стороны сверстников и

более старших юнцов... Показательна статья Натальи Гаряевой «Выстрел на уроке», которая была опубликована в конце 1990-х г. в «Учительской газете». «Что привело юного человека к самоубийству?» – задаёт вопрос автор статьи. Ответ прост: готовность к самоубийству под влиянием обид и унижений, формирующегося стойкого ощущения тупика, отчаяния и незащитности. Ведь убить себя, делает вывод журналистка, значит, во-первых, своими руками сделать то, что не смог, но хотел, может быть, в тайне обидчик, представляющий собой «безмозглую мразь» с накаченной мускулатурой и садистскими наклонностями, во-вторых – это протест против равнодушия, бездуховности со стороны воспитателей-педагогов, родителей».

С подобными бандитами, способными убить, искалечить, унижить и загнать в угол ребёнка, подростка, довести до самоубийства, – имел дело в 1920-х годах Антон Семёнович Макаренко. Документально подтверждено, что его первые десять воспитанников были настоящими бандитами, которые скрывали свой возраст и были направлены в колонию прямо из тюрьмы. Одному из них – Затонову – было 20 лет, но возраст свой он скрывал, чтобы избежать более сурового наказания за бандитизм. Занижали свой возраст и другие юноши. Бендюк за поножовщину вскоре выбыл из колонии. В 1923 г. А.С. Макаренко писал, что колония собирает почти со всей губернии «самый трудный и самый запущенный детский элемент, запущенный одинаково как в воспитательном отношении, так и в области знания» [3, т. 1, 187].

Осенью 1922 г. у А.С. Макаренко было 80 воспитанников, из них 9 девочек. Педагогический персонал насчитывал 33 человека. В 1925 г. в колонии было уже 130 воспитанников.

Как видим, картина конца XX – начала XXI столетия напоминает хронику первых послереволюционных лет с её беспризорностью, преступностью среди подростков и молодёжи. В те далёкие годы проблема детской беспризорности и правонарушений носила массовый характер. Так,

в 1920 г. число беспризорных насчитывалось 400 тысяч, в 1921 г. – 4–6 миллионов (на территории Российского государства), в 1922 г. – 8–9 миллионов, в 1923 г. – 5,5 миллиона, в 1924 г. – 239 тысяч, а в 1932 г. – 6 тысяч человек. Конечно, эти данные являются приблизительными, но здесь важна тенденция, указывающая на лавинообразный рост численности беспризорных до 1922 г., затем снижение до 1924 г., на этом уровне она продержалась до 1926 г., а затем произошло снижение численности с 1928 г. Статистические данные с 1930 г. по беспризорности уже не публиковались. Как отмечает в личной беседе с автором данной статьи немецкий исследователь Зигфрид Вайтц, потрясающие картины детских судеб, которые возникают за этими сухими цифрами, проникали и тогда за границу, а дискуссии о беспризорности, поддержанные специальными кампаниями, охватывали в то время всё общество. Если 1921–1922 годы характеризовались борьбой с последствиями голода, то период с 1922 по 1924 год был временем отрезвления и борьбой с беспризорностью. Во всеобщем масштабе, прокомментировал историческую ситуацию З. Вайтц, начали видеть причины беспризорности не в узко биологической детерминированной трактовке этого вопроса, а в трудном социальном положении этих детей, которые из-за социальных обстоятельств развили у себя «анормальное поведение». Несмотря на обширность и интенсивность мер, беспризорность не удалось быстро ликвидировать полностью. Следует сказать, что в далёкие 1970-е годы З. Вайтц выступил на международном симпозиуме «А.С. Макаренко и советская педагогика его времени» в Фалькенштейне (1–21 февраля 1971 г.) с докладом: «Детская беспризорность и ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей в РСФСР 1917–1935 гг. В своём докладе учёный раскрыл проблему беспризорности до Октябрьской революции и в 1920–1930-е годы [4].

К концу 20-х годов возникла новая волна беспризорности и правонарушительства среди детей и молодёжи в связи с массовой

принудительной коллективизацией, но эта волна уже не была столь угрожающих размеров, как в начале 20-х годов. Более ёмкий рынок рабочей силы во время первой пятилетки вбирал в себя несовершеннолетних из сельской местности, тем самым оберегая от безработицы – одной из главных причин беспризорности. Постановление правительства от 7 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» характеризовало новую стадию, а именно: ликвидацию данного явления в административном порядке. В официальную терминологию снова внедрялись термины «преступление» и «преступник», которые заменили более мягкие понятия «правонарушитель» и «правонарушение» применительно к несовершеннолетним.

Под началом Комиссариата Внутренних дел СССР были организованы специальные исправительно-трудовые колонии для несовершеннолетних. Наказание как мера воспитания, считавшаяся ранее реакционной мерой, была введена в практику.

Такова краткая история вопроса детских правонарушений и беспризорности при жизни А.С. Макаренко.

Какие шаги предпринимались в борьбе с той же «болезнью века» в конце XX – первом десятилетии XXI? Как решить проблему детской беспризорности и преступности?

Ответить на эти вопросы чрезвычайно сложно. Скорее всего, пошёл процесс «латания дыр» и «закрывания глаз» на проблему. Причём проблему жизненно важную и для государства, и для всего общества!

Отметим, что 1–12 марта 1993 г. в Москве Институтом развития личности Российской академии образования, Российским педагогическим обществом, Центром внешкольной работы им. А.С. Макаренко и Международной макаренковской ассоциацией прошла научно-практическая конференция на тему: «Наследие А.С. Макаренко и современность». На форум приехали учёные и практики из стран СНГ, из Германии, присутствовали тележурналисты, представители российского радио, редакторы центральных журналов и газет. Конференция показала, насколько современны мысли,

идеи, концептуальные положения А.С. Макаренко для решения поставленных выше вопросов.

Что же в первую очередь мы можем и должны взять из наследия А.С. Макаренко? Чем ценен для нас опыт работы педагога с беспризорными детьми и несовершеннолетними правонарушителями?

Оценить значимость наследия А.С. Макаренко с позиций нашего времени, разумеется, задача чрезвычайно сложная, требующая специального исследования. В данной статье коснёмся трёх наиболее значимых концептуальных положений, составляющих фундамент его воспитательной системы: 1) морально-дисциплинарная основа «удержания» личности в трудовом воспитательном коллективе, 2) установка на коллектив как главный фактор формирования, развития и воспитания личности, 3) основополагающая роль личности руководителя воспитательного учреждения и его соратников. На наш взгляд, без этих трёх положений невозможно представить себе работу воспитателей в колониях и детских приютах сегодня.

Прежде чем раскрыть суть перечисленных выше концептуальных положений, необходимо сказать о том, что систему А.С. Макаренко в целом характеризуют два главных признака, направляющих практику всей воспитательной работы. Во-первых, *определение целей воспитания*, во-вторых, *разработка путей достижения этих целей через разумно организованную жизнедеятельность коллектива*.

Отметим, что у Антона Семёновича *главная и конечная цель воспитания* – свободная, высокоразвитая личность, счастливый человек, правильно определившийся в жизни, в своих способностях и возможностях. Все, кому приходилось общаться с бывшими воспитанниками А.С. Макаренко лично или читать их воспоминания о годах пребывания в колонии им. М. Горького, коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, не могли не обратить внимание на высокий уровень их культурного развития, на разнообразие и широту интересов, знаний, сбалансированность взглядов и точек

зрения, чувство меры и такта в оценочных суждениях, личную свободу. Это прекрасные, воспитанные, свободные и независимые во всех отношениях люди, несмотря на то, что их детство и отрочество до колонии (коммуны) протекало в очень неблагоприятных социальных и бытовых условиях. Одни из них были делинквентами, другие преступниками, третьи просто бродягами. Этим детям, подросткам, юношей и девушек А.С. Макаренко сделал счастливыми. Преобразование, глубокая перестройка личности за время пребывания в руководимых Антоном Семёновичем воспитательных учреждениях свидетельствует об очень мощном педагогическом воздействии на структуру их индивидуальных и личных качеств, на развитие их социального и культурного облика.

Итак, проанализируем указанные выше концептуальные положения, которые, на наш взгляд, являются сердцевиной воспитательной системы А.С. Макаренко, её нравственно-этической основой. На наш взгляд, без знаний этих положений, без ориентации на них невозможно добиться положительного результата в работе с малолетними правонарушителями и беспризорными.

Как было отмечено, А.С. Макаренко принимал в трудовую колонию самый трудный контингент беспризорных и правонарушителей. Особенно тяжело было работать в 1920–1923 гг., когда ещё не был достаточно крепок коллектив, его основное ядро. Педагог сознательно пошёл по пути полного отказа от учёта и регистрации преступных элементов прошлого воспитанников. Никто не вспоминал тяжёлого прошлого, и педагогический коллектив в этом вопросе проявлял особую деликатность и такт, без слезливого тона жалости и сочувствия. Стиль отношений всех педагогов-воспитателей к колонистам давал почувствовать последним своё достоинство, свою человеческую значимость и ценность. Был создан стиль мудрой требовательности и уважения к ним, всколыхнувший весь внутренний мир бывшего правонарушителя, поднявший на поверхность человеческого сознания «потонувшее в силу неблагоприятных условий личной жизни чувство гордости» гражданина.

А.С. Макаренко добился того, чтобы в колонии воспитанники жили и трудились добровольно. Тем самым он сразу же поставил каждого колониста перед определёнными моральными обязательствами: либо оставаться в колонии и принимать всю ответственность за свои поступки в коллективной жизни и выполнять её законы, либо уходить на все четыре стороны. Созданная морально-психологическая ситуация выбора пробуждала человеческое достоинство колониста, давала ему свободу выбора: либо прошлая жизнь беспризорного, либо новая жизнь, в которой иные нравственные человеческие ценности. И ещё один немаловажный штрих: А.С. Макаренко добился, чтобы в официальном названии колонии не было слов «для несовершеннолетних правонарушителей».

На такой морально-дисциплинарной основе действовала система «удержания» воспитанника в трудовом коллективе и приобщение его к труду. В случае добровольного ухода из колонии официальных документов воспитанник не получал, но, как показала практика, уходить-то он и не хотел, так как в колонии ему верили, хотя и строго требовали, ему доверяли, его уважали за способность отвечать за свои поступки, за коллектив, за благополучие коллектива. Всё это пробуждало и воспитывало чувство самостоятельности, долга, чести и ответственности, в том числе и ответственности перед самим собой. Позже эти качества будут сами стимулировать поведение колониста, станут глубокими внутренними мотивами их поведения.

Это первое концептуальное положение, сформулированное А.С. Макаренко в самом начале своей деятельности в колонии им. М. Горького, принесло поразительный результат. Оно позволяло добровольно удерживать личность в коллективе, делая тем самым колонию учреждением открытого типа.

Второе концептуальное положение связано с установкой на коллектив как главный фактор формирования личности. Коллектив, в понимании А.С. Макаренко, – это, прежде всего, социальное целое, образу-

ющееся на основе отношений, сотрудничества людей в деятельности, направленной на общую цель. Такую формулировку он заимствовал у профессора Басова и считал её концептуально правильной. Почти десять лет, находясь под защитой и опекой учёного-дефектолога И.А. Соколянского (кстати, и писателя Николая Островского), Антон Семёнович мог более менее свободно создавать свою воспитательную систему и работать над совершенствованием коллектива. Их роднила и связь с А.М. Горьким. И тот, и другой переписывались с писателем. Надо сказать, что А.М. Горький спас И.А. Соколянского от тюрьмы в годы репрессий. В свою очередь И.А. Соколянский, по его словам, помог отвести угрозу ареста от А.С. Макаренко.

Оценка, данная И.А. Соколянским проблеме «коллектив и личность», является сегодня наиболее объективной и справедливой. Учёный вспоминал: «Для Антона Семёновича слово коллектив всегда было словом, наполненным самым конкретным содержанием. Когда он произносил это слово – у него молниеносно проносились живые лица всех его воспитанников, всех! До единого, даже тех, которые выбыли из колонии, с которыми он уже распростился, быть может, навсегда. В целом он видел каждого, а в каждом – целое. Антон Семёнович, как он всегда уверял меня, и я ему верил – не может произнести слова «группа», «отряд», «коллектив», «собрание» и прочее, чтобы непременно и мгновенно не вспыхнули действенные, активные, живые образы отдельных воспитанников с их мельчайшими отдельными чертами, со всеми их своеобразиями» [1]. В письме к О. Иваненко от 1 мая 1953 г. И.А. Соколянский писал, что считает для себя большим счастьем, что был его современником и «работал с ним вместе долгие годы» [1].

Приведённые слова известного дефектолога свидетельствует о том, что А.С. Макаренко никогда не противопоставлял личность коллективу, никогда коллектив не был той силой, которая подавляла личность. Напротив, отдельная личность развивала свои способности, со-

храняла свою индивидуальность только в коллективе, в котором из объекта воспитания превращалась в его субъект. Для А.С. Макаренко коллектив был необходимым компонентом системы, без которого система распадается. Но, во-первых, сам по себе коллектив вне иных компонентов системы представляет собой абстрактное понятие. А во-вторых, коллектив у А.С. Макаренко – это следствие, результат, а потом причина. Организации коллектива он уделил всё своё внимание, ибо не признавал самообразующихся коллективов. Коллектив надо создать, организовать, придать ему форму детского самоуправления (отряды, сводные отряды, позже разновозрастные отряды, совет командиров, общее собрание коллектива и т.д.). Нужно сохранить, развивать, создать стиль коллективных отношений, создать тон (эмоциональный настрой), традиции, перспективы, привнести в коллектив элемент игры, театрализации. Коллектив должен быть эстетически привлекательным, интересным живым «организмом», и он должен выполнять воспитательные функции (для этой цели и создаётся). Всё это, считал А.С. Макаренко, требовало пристального внимания и изучения особенностей детства, возрастных особенностей воспитанников. Только при этом условии можно создать воспитательное учреждение и воспитательную среду (т.е. коллектив) таким, чтобы оно импонировало детям и воспитывало у них новые социальные навыки, стимулировало трудовую, учебную и общественную деятельность.

Учёный из Венгрии Ференц Патаки, анализируя деятельность А.С. Макаренко как психолога, совершенно точно оценивает этот аспект проблемы. Профессор пишет, что у А.С. Макаренко новой была сама постановка вопроса: каким образом в педагогической практике можно создать такие единые, всеобъемлющие формы коллективного бытия, при котором индивид остаётся свободным, независимым и в то же время сохраняет своё индивидуальное своеобразие. Ф. Патаки заключает: «Общезвестно, что Макаренко многосторонне изучал вопросы эмоционального настрое-

ния детского коллектива. Именно в наши дни психология вновь возвращается к изучению аффективно-эмоциональных факторов поведения; отчасти это реакция на когнитивную инфляцию. Когда Макаренко настолько упорно выступал в защиту выраженной эмоциональной жизни колонии, которая поддерживалась элементами игры, сложившимися привычками и традициями, то он, конечно, принимал во внимание как психологические характеристики детского и подросткового возраста, так и природу общих переживаний и впечатлений, появляющихся в коллективе, и идею защиты, чувства безопасности члена коллектива» [6, 162].

Учёный из Германии В. Зюнкель обратил внимание на ещё одну особенность коллектива, созданного А.С. Макаренко и его соратниками. «Сейчас кажется невероятным, – пишет учёный, – но именно Макаренко ещё в 1923 году сконструировал в своём коллективе неодолимую преграду культуре личности. Он ввёл в колонии им. Горького постоянную сменяемость командиров отрядов...Сложная структура коллектива всё время переплетала отношения в коллективе. Сегодня ты начальник, а я подчинённый, но завтра всё наоборот». Заключает свою мысль Зюнкель словами о том, что русские сегодня «сами всё переосмысливают в духе общечеловеческих ценностей, мы тоже должны дать работу своей голове, чтобы иметь о коллективе научные представления» [3, т. 7, 137].

Как видим, проблема личности и коллектива сегодня чрезвычайно актуальна. А.С. Макаренко эту проблему решил до конца и теоретически сформулировал основные её концептуальные положения. В 1925 г. Антон Семёнович проводил в колонии им. М. Горького психологические наблюдения и, по его словам, «экспериментирование». Судя по сохранившимся документам, научную программу этого эксперимента педагог посвящал методическому исследованию коллективных отношений, характеристике срезов отношений коллективного бытия. Он сформулировал в ней проблемы, методические соображения и направления ис-

следований, решение которых в наши дни должна привлечь внимание исследователей психологии коллектива и группы.

Проект А.С. Макаренко об организации научно-педагогического кабинета, по словам Ф. Патаки, «прокладывает путь в направлении, согласно которому развивалась и развивается современная экспериментальная социальная психология. И в этом Макаренко опередил свой век, хотя его мысли и представления остались в виде фрагментарного и схематического очерка» [6, 163].

Третье концептуальное положение касается роли воспитателей и руководителя учреждения, влияние их личности на воспитанников.

Не секрет, что А.С. Макаренко предъявлял самые большие требования к личности воспитателя и к себе лично как руководителю. Он неоднократно повторял в своих работах мысль о том, что если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. Педагог-гуманист был уверен в том, что если ребёнок хорош, то этим тоже обязан воспитателю, своему детству. Никаких компромиссов, никаких середин быть не может. Письмо к учительнице Л.Н. Никифоровой от 15 августа 1923 г. является своеобразным манифестом, в котором высказаны основные требования к педагогам-воспитателям. Лидия Николаевна изображена в «Педагогической поэме» в образе молодой воспитательницы Лидочки. Именно с ней А.С. Макаренко вынужден был расстаться. Вот как мотивирует он своё решение:

«К сожалению, Вы не объявили Вашего положительного идеала в воспитании. Если судить по работе Вашей и, допустим, Головина, то совершенно для меня ясно, что этот идеал далёк от моего. Нам помириться нельзя. Вы уступить тоже не способны. (...) Вы (...) создали неприличную и смешную оппозицию (...) всему делу, всякой работе, сгруппировали вокруг себя «дачников» и неудачников, наполнили колонию чадом вашего кружкового, злобного и пустого времяпровождения.

Всё это можно допустить где угодно, но в колонии этого никогда не будет. Здесь не

только служат, здесь нужно жить так, чтобы Ваша жизнь не делалась анекдотом» [3, т. 8, 20–21].

А.С. Макаренко добился права самому подбирать воспитателей для работы в колонии (позже в коммуне). В первую очередь он искал людей, способных увлечь колонистов нужным и интересным делом, личным примером, ответственностью, тактом, способностью вести за собой. Его соратник по работе Т.Л. Татаринцов вспоминал, что А.С. Макаренко сам организовал педагогический коллектив, высоко его ценил и берег. Труд самих педагогов, их преданность делу, честность, уважение к воспитанникам – всё это сплотило колонистов в крепкую семью.

А.С. Макаренко обладал колоссальной силой личного влияния на воспитанников и воспитателей, был примером исключительного самообладания в любой конфликтной ситуации. Колонисты вспоминали, что Антон Семёнович умел при первой встрече чем-то заинтересовать их, затронуть чувства, заставить оглядеться, и, в конце концов, добровольно остаться в колонии. Например, он взял Семена Калабалина без конвоя прямо из тюрьмы, предложив ему принять участие в одном «мероприятии», в котором ему нужны надёжные люди. Тем самым он надолго вызвал мальчишескую преданность и признательность.

Будущая супруга С.А. Калабалина, Галина Константиновна в середине 20-х годов была студенткой рабфака и однажды слушала выступление А.С. Макаренко. Её поразило, с какой теплотой говорил он о своих воспитанниках, о тех причинах, которые привели ребят на улицу, какие замечательные люди выходят из колонии имени Горького. Педагог говорил о том, что в каждом человеке, даже самом плохом, есть что-то хорошее, которое надо найти, увидеть, за которое надо зацепиться и которое надо развивать.

Педагоги-воспитатели именно так должны подходить к детям, а именно: с уважением к ним, с верой, с сочувствием и с оптимистической перспективой относительно их будущего. Но одной любви недостаточно,

педагогу нужно уметь быть твёрдым в своих требованиях, уметь проявлять нажим. «В борьбе с беспризорностью, – писал по этому поводу А.С. Макаренко, – со всем тяжёлым комплексом, его сопровождающим, нажим есть самое экономное и самое педагогическое средство». Давая наставления начинающим руководителям колоний, он советовал не отказываться в начале работы от твёрдого нажима. Однако, чтобы этот «нажим» проводить, требуется постоянная напряжённая работа воли. «При этом, – предупреждал педагог, – самый аппарат Вашей воли должен работать очень точно, чтобы не переборщить, не вызвать к Вам же озлобления» [3, т. 8, 29].

А.С. Макаренко признавался, что не считал свою волю сильной и часто повторял: «Я воспитал в себе характер, и волю, и мысль – я сам воспитанник». И добавлял: «Я глубоко убеждён, что умение действовать своей волей как регулятором не даёт от природы, а вырабатывается опытом и постоянным пристальным вниманием к себе». Ту же мысль мы находим в письме к А.П. Сугак от 23 марта 1923 г.: «Что мне дала колония? (...) Я сделался другим человеком, я приобрёл прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, наконец, уверенность в себе» [3, т. 8, 15–16].

Работая с трудными детьми, подростками, юношами, педагог должен научиться требовать и проверять исполнение своих требований. Сопратники А.С. Макаренко отмечали, что он был прекрасный организатор, управленец и стратег. В его учреждениях действовала точная, продуманная до мелочей организация, а личные его дарования были вложены и в саму систему, и в методы организации и управления («почти спрятаны в ней»). Антон Семёнович никогда не сворачивал в сторону, не делал никаких уступок. Будучи настоящим стратегом, он умело вёл борьбу и работал в темпах совершенно непредвиденных.

Понимая, что «дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений», А.С. Макаренко считал, что педагог должен уметь «немного играть». Он говорил: «Если я буду только

поучать, требовать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. ...Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно... Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что – не то сердится, не то педагогическую мораль разводит» [3, т. 4, 200–201].

Сколько же сил, терпения, такта нужно было приложить А.С. Макаренко, чтобы каждую осень, прощаясь со своими выпускниками, которые составляли ядро коллектива, принимать «два десятка совершенно разболтавшихся, разленившихся, диких хлопцев». «По опыту я знаю, – писал А.С. Макаренко 8 сентября 1925 года А.М. Горькому, – что нужно не меньше 4-х месяцев, чтобы увидеть на их мордах первую открытую человеческую улыбку доверия и симпатии. В особенности трудно с новыми девочками... С ними не с чем начать, у них нет совсем уважения к себе и нет никаких надежд» [3, т. 2, 14].

Вот так работал А.С. Макаренко с беспризорными и несовершеннолетними правонарушителями и достигал колоссальных воспитательных результатов. Все, кто знал его воспитанников, невольно проникает к ним чувством уважения и симпатии. Это действительно люди с высокой нравственностью, эстетически выразительные, умные, талантливые!

Сегодня нет аналога тому, что сделал в 1920–1930-е годы А.С. Макаренко. Но как нужны такие педагоги сегодня для спасения попавших в беду детей, подростков, юношей и девушек. Задача заключается не в том, чтобы механически перенести подходы А.С. Макаренко в сегодняшнюю практику, а в том, чтобы, опираясь на его концептуальные положения, избежать ошибок, найти оптимальные варианты решения сложнейших задач, направленных на лик-

видацию детской преступности и беспризорности. От решения этих задач зависят и судьбы людей и судьбы России!

Таким образом, многие проблемы, связанные с детской беспризорностью и преступностью, в их преломлении к особенностям контингента воспитанников более 80 лет назад успешно решал А.С. Макаренко в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Педагог в высшей степени гуманно подошёл к решению задачи, стоявшей перед ним и его соратниками: вытащить этих несчастных, попавших в беду детей, подростков и юношей из того социального омуты, в котором они оказались, обеспечить им здоровое будущее. Бывших «трудных» детей научили труду-заботе на благо коллективной большой семьи. Они приобрели профессиональные знания в области производства и сельского хозяйства.

В статье «Педагоги пожимают плечами» (1932 г.) Антон Семёнович писал: «Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества *хозяина и организатора*... Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой день начнёт давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, *понимающих, что общественный интерес* – это есть и *интерес личный*» [2, 699–700]. Из данной установки А.С. Макаренко выводит следующие принципы педагогической техники: 1) организованное педагогическое влияние направляется на объект воспитания – целый коллектив; 2) методика удержания лично-

сти в коллективе заключается в том, чтобы «личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию – добровольно, и (...) чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность» [2, 700]; 3) взрослые руководители коллектива мобилизуют и направляют свою мысль, опыт, такт, волю на то, чтобы «разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и ...волей». Педагоги не изобретают законы, так как законы вытекают из общей жизни страны и, в частности, из жизни коллектива. Педагогическая установка: «*создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность*» [2, 700]. А.С. Макаренко пишет: «Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек – часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классово-вой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш *детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полнокровным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив*» [2, 700–701]. Тем самым А.С. Макаренко утверждает, что воспитанники как полноправные граждане имеют право на участие по своим силам в общественном труде не в педагогическом смысле, а в рабочем. То есть не портить материал и производить «нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства – отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы» [2, 701]. Подобная установка, считал А.С. Макаренко, требует соответствующих методов: «*мы даём*

детскому или юношескому коллективу рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит – даём дисциплину» [2, 701].

Коммунары ничего особенного не видят в самой дисциплине – «это естественное и необходимое состояние каждого коллектива». Так категоричное требование коллектива применяется по отношению к воровству, к выпивке, к картежной игре. За первые два «деяния» – безусловное изгнание из коммуны. «Такая дисциплина, – писал А.С. Макаренко, – вытекает как осознанная необходимость, из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живёт. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. (...) Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для неё наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания – она не объект воспитательного влияния, а его носитель – субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива» [2, 702–703]. «Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе

и тем самым воспитывает в нём волю, закалённость, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. (...) В этом ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга (...). Наше воспитание даёт стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться товарищу. (...) Наш командир только выборный единоначальник, правда обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять /узко/личное начало. Отряд командиров – это тоже коллектив, и командир его только его уполномоченный» [2, 703]. «Коллектив требует от личности определённого взноса в общую трудовую и жизненную копилку» [2, 704]. В 1930 г. коммуна отказалась от должности воспитателя. Воспитательным коллективом, уточняет А.С. Макаренко, являются учителя, инженеры, мастера, инструкторы, чекисты, члены правления и т.д., а «воспитание коммунаров достигается не путём чьей-то проповеди или нравочений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива» [2, 707].

Демократическая основа методики воспитания личности дала свои положительные результаты. Проблема «ликвидации» подростково-юношеской преступности и беспризорности в педагогической теории и практике А.С. Макаренко была блестяще решена.

